

УДК 359-054.7(091)(510)

Н. Г. ФОМИН И КОНСОЛИДАЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ШАНХАЕ

А. В. Толочко

Рассматривается попытка объединения русского зарубежья, предпринятая на рубеже 1920–1930-х гг. русскими морскими офицерами, оказавшимися в Шанхае после окончания гражданской войны. Анализируется роль в данной общеэмигрантской организации бывшего начальника штаба Сибирской флотилии, председателя Шанхайской монархической организации, командира Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса, капитана I ранга Н. Г. Фомина.

Ключевые слова: русская эмиграция, военно-морской флот, борьба с советским режимом.

На протяжении нескольких десятилетий «Русский Шанхай» неизменно привлекает внимание исследователей. Тем не менее многие аспекты идейно-политической эволюции русской эмиграции на юго-востоке Китая изучены весьма слабо. Особенно «не повезло» в этом отношении русской военно-морской диаспоре. Хотя в общем виде эта проблематика уже затрагивалась в исторической литературе, роль, которую сыграли военные моряки в среде русских эмигрантов, остается недооцененной [4]. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел. В ней анализируется вклад моряков в консолидацию «русских шанхайцев» и разработка ими вопросов борьбы с большевиками на рубеже 1920–1930-х гг.

После крушения «Белого Приморья» и массового исхода тех, кто опасался преследований со стороны большевиков, к середине 1920-х гг. в Шанхае образовалась русская колония, насчитывавшая около 15 тыс. чел.¹ Неотъемлемой ее частью стали морские офицеры [2, 76]. Поскольку примерно треть русских эмигрантов составляли женщины, дети и престарелые, то «удельный вес» офицеров-моряков в активной части русского Шанхая оказался весьма значительным.

Как и в других местах «русского похода», в первые годы пребывания в Шанхае русские эмигранты не были объединены ничем, кроме религиозных, благотворительных и отчасти регистрационных учреждений. По мере стабилизации материального положения эмигрантов, в их среде стали усиливаться центробежные тенденции.

Пример широкого единения подали именно офицеры флота. Первоначально старшие морские офицеры, оказавшиеся в Шанхае, тяготели к ставшему впоследствии традиционным для военно-морской эмиграции пути создания замкнутой, корпоративной организации. Однако в ходе жарких споров победило другое мнение, выразителем которого был флагманский интендант Сибирской флотилии в ее последнем походе капитан А. А. Билокович. Он считал, что «только белая офицерская среда в целом, без деления по признакам прежней службы, одна способна творить что бы то ни было в эмиграции, так как всякое обособление не выдержит в финансовом отношении» [5, 387]. С этим согласилось большинство офицеров во главе с контр-адмиралом С. Н. Тимиревым. Офицеры решили начать работу по созданию Общеофицерского собрания и передать на его нужды 540 мексиканских долларов из сумм Сибирской флотилии.

Весной 1926 г. на заседании инициативной группы было принято решение о создании в Шанхае Общеофицерского собрания. Стоит отметить, что пятеро из двенадцати присутствовавших на собрании офицеров были моряками: контр-адмиралы В. В. Безуар, С. Н. Тимирев, капитаны I ранга П. И. Крашенинников, Н. Г. Фомин и бывший командир Владивостокского порта полковник А. И. Ярон. Сыграв столь заметную роль в создании Общеофицерского собрания, офицеры флота на протяжении всего периода его существования занимали в нем руководящие должности.

Общеофицерское собрание Шанхая не ограничивалось чисто клубной жизнью, а пыталось консолидировать русских эмигрантов в Шанхае вокруг РОВС, чего удалось добиться только после получения известия о похищении генерала Кутепова. Борьба за объединение русских за рубежом отражалась в горячих дебатах на заседаниях Собрания, выступавшего в качестве нейтральной почвы, где могли встретиться представители различных политических ориентаций.

Первое серьезное испытание ожидало военную часть русского Шанхая уже в январе 1927 г., когда к городу подошли части Национального правительства. По предложению муниципалитета Собрание приняло решение сформировать добровольческую русскую вооруженную часть для защиты города. Именно тогда, по мнению Н. Г. Фомина – бывшего начальника штаба Сибирской флотилии и председателя Шанхайской монархической организации, «впервые русские в Шанхае почувствовали, что они – не презираемые бедные родственники, а граждане, имеющие и обязанности и права» [5, 389].

21 января 1927 г. началось формирование Русского отряда (впоследствии – Русский полк Шанхайского волонтерского Корпуса) под командованием Фомина. По штату Русский отряд был вооружен легким стрелковым оружием и состоял из 23 офицеров и 278 прочих чинов, причем бывшие офицеры проходили службу как на всех офицерских и унтер-офицерских, так и частично на должностях рядового состава [3, 19].

Естественно, морские офицеры не могли конкурировать с офицерами пехоты и кавалерии при назначении на должности командиров рот и отделений, однако в управлении первого состава отряда из 7 офицеров четверо были моряками, причем они занимали основные штабные должности. Помимо командира – Фомина, в январе 1927 г. в отряде проходили службу: капитан Билюкович – в должности адъютанта отряда (начальника штаба), мичманы Н. Козлов и А. Филиппов – обер-офицеров для поручений [3, 20]. В состав отряда добровольно вошли не только безработные русские эмигранты, но и люди, уже имевшие различные высокооплачиваемые должности, которые, тем не менее, оказались готовы снова встать в ряды белой воинской части, чтобы бороться с коммунистами.

К июню 1927 г. обстановка в районе Шанхая стабилизировалась: угроза со стороны коммунистов миновала, в город прибыли иностранные войска. Но несмотря на большие затраты на содержание Русского отряда, муниципалитет решил сохранить его, так как убедился, что на территории города он является единственной реальной силой, на которую можно опереться в случае возникновения беспорядков.

Командование отряда, офицеры и рядовые, оставаясь де-юре бесправными русскими эмигрантами, создали воинскую часть, служба в которой считалась почетной и привлекательной не только для бывших офицеров, но и для эмигрантской молодежи. Информация о его повседневной деятельности, фотографии чинов отряда на фоне национального знамени символизировали возможность реальной консолидации эмиграции.

Другим символом единения всего Русского зарубежья стало Русское морское училище, открытое 30 ноября 1931 г. Инициатором его создания была Морская секция при Русском народном религиозном национальном комитете. Бессменным директором училища был контр-адмирал М. Федорович. Из 11 преподавателей училища 6 были морскими офицерами. Курс обучения был рассчитан на три года, до 15% учебного времени уделялось национально-патриотическому воспитанию молодежи. О популярности училища свидетельствовало то, что в 1931 г. желание обучаться в нем изъявило более 100 молодых людей и было подано 34 прошения о зачислении².

Присутствие на небольшой территории значительного количества «бывших» русских, преимущественно из военных, имевших боевой опыт Первой мировой и Гражданской войн, активная позиция «гражданских» эмигрантов, относительная близость русской земли, неясные слухи о волнениях там и активная деятельность эмигрантских организаций (в первую очередь Офицерского собрания и Русского полка) создавали предпосылки для консолидации русского Шанхая на почве антибольшевистской борьбы.

Однако для превращения этих предпосылок в нечто реальное необходимо было добиться хотя бы относительного политического единства, найти значительные материальные средства, разработать общую стратегию и тактику действий. Между тем вплоть до конца 1920-х гг. лидеры русской эмиграции, формально признавая необходимость борьбы за освобождение России, были главным образом заняты выяснением отношений между собой.

Внутренняя разобщенность вызывала крайнюю озабоченность в эмигрантской среде. «Пока мы только говорим и ничего не делаем, мы можем спорить сколько угодно, и будем все по очереди одинаково хороши, пока говорим о себе мы сами, и одинаково плохи, когда мы выступаем каждый в освещении своих противников», – с горечью отмечал Фомин³.

К началу 1930-х гг. большинство лидеров эмигрантских групп на Дальнем Востоке отказались от надежд на мирную эволюцию и перерождение большевистской власти и пришли к выводу о необходимости насильственного ниспровержения коммунистической диктатуры. При этом советский Дальний Восток казался дальневосточной эмиграции «готовым пороховым погребом»⁴.

Шанхайские русские газеты помещали информацию о положении дел в СССР, по содержанию и форме похожую на военные сводки. Так, в конце июня 1930 г. в популярной русской газете «Шанхайская Заря» события в Советском Приморье освещались следующим образом: «Говорят, что 17 июня во Владивостоке вспыхнули рабочие беспорядки. К рабочим присоединились моряки. Три миноносца обстреляли бывший штаб крепости и морской штаб, где помещается отдел ГПУ, после чего ушли в море. Для подавления беспорядков срочно вытребовали из Хабаровска воинскую часть, которая следовала в эшелоне по специальному ускоренному расписанию. Навстречу ему со станции Первая Речка злоумышленно был пущен товарный состав. В результате произошло столкновение с большим количеством человеческих жертв»⁵.

В этих условиях, как доказывал Фомин, русская эмиграция должна была не просто говорить, а действовать. На страницах шанхайских газет, собраниях эмигрантов, в докладах Офицерскому собранию он призывал всех русских людей к участию в национальном освободительном движении. Смысл их деятельности Фомин видел «в проповеди реальных действий, их идеологическом обосновании, в переходе к логически вытекающим из слов поступкам, их укреплении и развитии и в постоянном настойчивом призыве к участию в борьбе все больших и больших сил»⁶. Фомин был убежден, что реальная борьба могла происходить только на почве национального единения, а само единение достигалось в борьбе против большевиков. Поэтому главной и единственной целью он считал развитие «национального освободительного» движения, которое должно было свергнуть большевистский режим.

К 1930 г. это движение, по мнению Фомина, несмотря на смерть ряда вождей, было потенциально крепче, чем раньше. Его нужно было лишь окончательно оформить, влить в него новые силы и вдохнуть жертвенный дух, – тогда бы оно стало реальным политическим фактором.

Ему казалось, что национальное освободительное движение есть та «идеологическая основа, которая, проникнув всюду, спаяет все борющиеся с большевиками силы в единое организованное целое, оно предупредит возможность преждевременных пагубных выступлений, оно создаст единство России после переворота, и избавит нас в эмиграции от авантюры бессовестных людей»⁷. Русское освободительное движение, охватившее Россию и зарубежье, организованное и руководимое из единого центра, должно было стать силой, способной еще до окончания борьбы за Россию разработать экономические и политические планы, которые начнут действовать сразу после падения большевиков.

В таком национальном освободительном движении могли участвовать все русские люди, проникнутые чувством здорового патриотизма, независимо от социального и имущественного положения. Только заведомые изменники и неспособные к серьезным усилиям не годились для участия в нем.

Анализируя ход исторических событий с точки зрения развития национального освободительного движения, Фомин пришел к выводу, что в нем можно выделить три фазы. В рамках первой накапливался необходимый для борьбы эмоциональный потенциал. Эта фаза к 1930 г. была в основном пройдена.

Вторая фаза, сущность которой заключалась в «приступе к борьбе», началась в начале 1930-х гг. Участников борьбы Фомин делил на три группы. Первую – непосредственный фронт – образовывали партизаны и повстанцы в России, активные организации русского зарубежья. Вторую – главные силы движения – составляли те элементы внутри и за пределами России, которые могли вступить в борьбу в решительный момент. К ним относились и боеспособные участники белого движения, и военнослужащие Красной армии, готовые принять участие в борьбе против Советской власти.

Третья группа движения представляла собой «тыл» антибольшевистской армии. Она должна была исполнять функции базы, которая снабжает людьми и средствами, стать средой, где живет и развивается идеология движения, которой некогда заниматься на фронте, относительно безопасное место, откуда осуществляется руководство, место нахождения мозга движения.

Анализируя недавнюю работу Чешского национального совета за границей, деятельность ирландских эмигрантов в Америке, Фомин пришел к мнению, что тыл движения должен располагаться вне территории СССР. Для того чтобы этот тыл был работоспособен, он должен был быть единым. Его посланцы, направленные к повстанцам в СССР, должны восприниматься там как «вестники» единой борьбы. Тем более не могло быть и речи о присутствии «на фронте» политических партий: слишком памятен был печальный опыт 1917 г.

Впрочем, по мнению Фомина, военно-политическое единство являлось лишь одним из условий успешного развертывания национального освободительного движения. Не менее важным был вопрос финансирования. Неготовность других стран взять на себя материальное обеспечение движения означала, что его содержание должно было целиком лечь на плечи самих русских эмигрантов. Необходимость изыскания средств могла, в свою очередь, способствовать достижению единства. «Уже одно поголовное участие эмиграции в сборе средств на борьбу создает движение, как таковое и создает его единство. Взаимная связь и информация, сотрудничество внешних и внутренних сил, пропаганда восстания и постепенное оформление движения с последовательным переходом его к огромной военно-политической корпорации, имеющей единый центр и руководство и все необходимые связи с иностранцами»⁸.

По предварительным расчетам на организацию всего этого не потребовалось бы больших денежных средств, но вся эта работа должна привести русских людей к третьей, заключительной фазе борьбы, когда против интернационала, вступившего в «свой последний и решительный бой», встанет русский национальный фронт.

Фомин не претендовал на лидерство в движении, считая, что «начавшись, оно, выдвинет тех, кто может его делать, и само отдастся в их руки, как бы не были хитры задуманные вначале комбинации»⁹. Не ограничиваясь рефлексией по поводу необходимости объединения русского Шанхая как тыла Национального освободительного движения, Фомин в 1930–31 гг. предпринял в этом направлении некоторые практические шаги.

Оставив по семейным обстоятельствам службу в Русском полку, он в 1930 г. занимал почетную выборную должность старшины Национальной общины Шанхая и хорошо знал настроения русских эмигрантов. Полагая, что к лету 1930 г. на территории советского Дальнего Востока сложились условия для возобновления широкомасштабной борьбы и шанхайская эмиграция вполне «созрела» для этого, в начале июня 1930 г. он предложил созвать собрание представителей всех течений русской эмиграции Шанхая.

О готовящемся собрании сообщили в русских газетах – «Шанхайской Заре», «Времени» и «Слове», в различных местах города были расклеены объявления. Помимо этого, Фомин лично провел переговоры с лидерами всех сколько-нибудь значительных эмигрантских групп с целью привлечь их к работе в общем собрании. Особое внимание уделялось работе с представителями тех групп, которые никогда ранее ни в каких общеэмигрантских собраниях не участвовали. Всем лицам, которые заявили о желании выступить на собрании, было предоставлено такое право, без предварительного согласования докладов.

Первое общее собрание представителей различных течений русской эмиграции Шанхая было назначено на воскресенье, 15 июня 1930 г. в помещении общественного собрания. Полный отчет о нем был помещен в газете «Шанхайская Заря»¹⁰. Собрание происходило при открытых дверях, на нем присутствовало несколько сотен человек, в том числе бывший член Приморского правительства Н. Меркулов, руководитель шанхайского отдела РОВС генерал-лейтенант К. Вальтеро, генерал-лейтенант Ф. Глебов. Наиболее массово были представлены организации инженеров, юристов, педагогов, бывших земств и, естественно, военных. Среди собравшихся были сторонники различных, в том числе и левых, политических организаций.

Членами президиума собрания избрали Фомина, журналиста Б. Суворина, представителя местных легитимистов В. Михайлова, секретарями – капитана А. Билуковича и В. Шайдицкого.

После докладов и дискуссий подавляющим большинством голосов была принята резолюция, которую было предложено детально обсудить в эмигрантских организациях, и произведен первичный сбор денег, давший 220 местных долларов (около 1500 французских франков). Собранием был избран «Комитет Общего Собрания 15 июня 1930 года» для дальнейшей координации действий русской эмиграции Шанхая под председательством Фомина.

Оценивая результаты первого собрания русской эмиграции, Фомин писал, что «это было патриотически настроенное собрание русских людей для борьбы с врагами Родины, отказавшихся от партийных перегородок, оно высказало удивительную терпимость ко всем политическим взглядам, высказанным ораторами, и неизменно приветствовало и правого и левого, когда они призывали к борьбе и к помощи тем, кто уже борется»¹¹.

По инициативе Комитета 26 октября 1930 г. состоялось второе общее собрание, в постановлении которого говорилось, что каждый русский патриот обязан ежемесячно отчислять в Фонд Спасения Родины 1% от получаемого им заработка. На третьем общем собрании 10 мая 1931 г. были подведены итоги работы по объединению шанхайской эмиграции и сбору средств за истекший период.

Крайне негативную реакцию участников собрания вызвало сообщение, что за 10 месяцев в Фонд Спасения Родины было собрано лишь 5500 долларов. Председатель Казачьего Союза в Шанхае войсковой старшина Болотов обвинил сограждан-шанхайцев в преступной безучастности к тем, кто «там» еще борется. Более сдержанным было выступление самого Фомина, который, в отличие от других выступавших, оперировал в основном цифрами.

Отмечая, что в Шанхае проживает 15 тыс. русских, из которых около 10 тыс. имеют реальный заработок, и считая, что минимальный заработок не может быть менее 70 долларов, он полагал, что русский Шанхай располагал минимум 700 тыс. долларов в месяц или 8 млн. 400 тыс. долларов в год. Более того, среди русских эмигрантов, как подчеркивал Фомин, было немало людей, занимающих хорошо оплачиваемые должности. А главная улица французской концессии «Авеню Жоффри», сплошь усеянная русскими магазинами, ресторанами, кондитерскими и кафе, наглядно свидетельствовала о коммерческом успехе многих русских.

Применив свои расчеты ко всей русской эмиграции, составлявшей примерно три миллиона человек, из которых два миллиона имели минимальный заработок 70 долларов в месяц, Фомин шокировал присутствующих, указав, что всего 1% годового дохода эмиграции составлял 16,8 миллионов долларов. «А ведь мы в эмиграции уже 10 лет, то есть при сплоченности и единомыслии, мы имели бы уже капитал 168 миллионов. А разве на эти деньги нельзя начать освободительного движения? Разве на одни проценты от этих денег мы не смогли бы содержать своих инвалидов и стариков? Не могли бы иметь свои школы, университеты, академии, больницы и приюты?», – вопрошал он¹².

Естественно, исходные данные в выкладках Фомина были завышены, да и вряд ли все работающие эмигранты отчисляли бы даже 1% заработка, тем более в первые годы изгнания, но порядок цифр не мог не произвести впечатление на присутствующих. Понимая это, оратор еще раз обратился к собранию: «Господа, вы только подумайте и подсчитайте, что, если бы мы были едины в 1929 году и начали бы отчислять 1% в Фонд Спасения Родины, то к концу большевистской пятилетки, мы закончили бы и свою, если бы были также умны, как они, и к 1934 году имели бы 90 миллионов долларов»¹³.

В конце концов, собрание оставило в силе все прежние решения, поручило контроль за их исполнением «Комитету Общего Собрания 15 июня 1930 года» и предложило целую программу действий по увеличению сбора средств в Фонд Спасения Родины.

Каждому из присутствующих поручалось привлечь не менее пяти новых жертвователей в Фонд. Были составлены обращения ко всем русским организациям города с требованием созвать свои собрания для принятия решения о сборе средств и назначении постоянных сборщиков из числа своих членов. Особое обращение было составлено для русских коммерсантов и промышленников. Также было признано, что лица, не платящие установленного сбора, не могут пользоваться правом защиты своих интересов со стороны эмигрантских организаций. Наконец, было решено организовать большой национальный бал в пользу Фонда. Всем русским национальным группам и организациям Шанхая, устраивающим в Шанхае балы или иные благотворительные мероприятия, предлагалось отчислять не менее 10% чистого сбора в Фонд Спасения Родины.

Информация о собраниях публиковалась не только в шанхайской, но и в европейской прессе, где выступления их участников, в частности Фомина, получили самую высокую оценку. Тем не менее, несмотря на единство, достигнутое на общих собраниях, консолидация русского Шанхая шла с большим трудом. Особенно сложно было преодолеть политические разногласия. Так, представитель Крестьянской партии Н. Малиновский, проголосовав на первом собрании за принятие ее

резолуции, через несколько дней отказался принимать участие в общеэмигрантских мероприятиях и сборах и опубликовал «Открытое письмо Н. Фомину», в котором назвал собрание «чисто монархическим»¹⁴.

Между тем процесс объединения мало-помалу продвигался и 17 января 1932 г. формально завершился собранием делегатов русских организаций, создавших «Совет объединенных русских организаций». На собрании присутствовало более 150 человек, представлявших свыше 80 шанхайских организаций, учреждений и предприятий¹⁵. Выступление старшины Национальной общины Фомина было встречено овацией. Сославшись на большую занятость, он отказался баллотироваться в Председатели Совета и был избран его вице-председателем.

Тем не менее дальнейшего развития инициатива Фомина по консолидации русской эмиграции не получила и объединение «России № 2» так и осталось несбывшейся мечтой. В 1938 г. начальник канцелярии Великого Князя Кирилла Владимировича капитан 2 ранга Г. Граф писал по этому поводу: «...Было много организационных трудностей и все попытки, которые до сих пор делались в этом направлении, были неудачными» [1, 315].

Примечания

- ¹ См.: *Васильев А.* Смысл единения // Часовой. Париж. 1931. № 62. С. 14.
- ² См.: *Федорович М.* Русское Морское Училище в Шанхае // Армия и Флот. Шанхай. 1935. № 5. С. 60.
- ³ *Время.* Шанхай. 1930. № 282.
- ⁴ *Шанхайская заря.* 1930 г. № 1406.
- ⁵ *Шанхайская заря.* 1930. № 1411.
- ⁶ *Слово.* Шанхай. 1930. № 485.
- ⁷ *Время.* Шанхай. 1930 г. № 282.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Шанхайская заря.* 1930. № 1403.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Васильев А.* Указ. соч.
- ¹³ Там же. С. 15.
- ¹⁴ *Малиновский Н.* Открытое письмо Н. Фомину // *Шанхайская заря.* 1930. № 1406.
- ¹⁵ См.: *Морской журнал.* Прага. 1932. № 50. С. 19.

Список литературы

1. *Граф Г.* На службе императорскому дому России. СПб., 2004.
2. *Климутин В.* Военно-морская эмиграция в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
3. *Красноусов Е.* Шанхайский Русский полк. Сан-Франциско, 1984.
4. *Кузнецов Н.* Русский флот на чужбине. М., 2009.
5. *Фомин Н.* Идеи, люди, факты // *Белая эмиграция в Китае и Монголии.* М., 2005.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2009